

Ю. П. КНЯЗЕВ

(Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург, Россия)

УДК 81'37:81'23
ББК Ш105.31+Ш100.6

АГЕНТИВНОСТЬ КАК ШКАЛА ГРАДАЦИЙ

Аннотация: Понятие агентивности может рассматриваться с двух точек зрения. С одной стороны, с агенсом связывается набор таких семантических признаков, как намеренность, каузация, контролируемость, основной источник энергии и др. С другой стороны, агентивность предполагает совпадение между целью и результатом действия. Вместе с тем, существуют и активно используемые средства, служащие для понижения степени агентивности основного участника ситуации. Так, субъект собственно рефлексивной конструкции *Я побрился* обладает всеми упомянутыми выше признаками агентивности, а в рефлексивно-каузативной конструкции *Я побрился у парикмахера* эти признаки распределены между двумя участниками. В этой каузативной конструкции субъект (каузатор) только инициирует реализацию этой ситуации, а непосредственным производителем действия является каузируемый субъект, выраженный косвенным дополнением. В данной работе предлагается предварительный перечень конструкций русского языка, в той или иной степени отклоняющихся от прототипа агентивности: возвратных, односоставных и некоторых других. К последним относятся, в частности, конструкции с частицей *было*, подчеркивающие существование несоответствия между ожидавшимся и реальным ходом событий, и ряд других конструкций, служащих для указания на нарушение хода событий.

Ключевые слова: семантические роли, агентивность, неполная агентивность, контролируемость, возвратность, односоставность.

Понятия «агенс» и «агентивность» служат обычно отправной точкой при установлении семантической роли участника ситуации. Хотя сама идея различения семантических ролей и средств их выражения была четко сформулирована относительно недавно (ее появление связывают с работами Ч. Филлмора о глубинных падежах и падежной рамке [Филлмор 1968]), она стала очень широко использоваться в современной лингвистике, прежде всего при описании явлений, связанных с залогом и актантной деривацией – того, что в англоязычной лингвистике называют *valency change* [Haspelmath, Müller-Bardey 2004]. В свою очередь, приложение этой идеи к актантной структуре предика-

та позволяет использовать ее и при описании лексической семантики [Падучева 2004].

С семантической ролью агенса обычно связывается набор таких свойств, как «намеренность», «каузация», «контроль», «источник энергии»; ср.: «Agency always involves causation and volition: the agent is the willing causer» [Wierzbicka 1978: 125]; «Агенса – это такой участник ситуации X, которому соответствует компонент ‘X действовал (с целью)’ [Падучева 2004: 55]; «*Агенса*: активный, обычно наделенный волей и сознанием участник ситуации, расходующий собственную энергию в процессе деятельности и контролирующей ход событий (*солдат бежит, старик разжег костер, сестра рассказала сказку*)» [Плунгян 2011: 161-162]. Предлагались и более обширные наборы свойств агенса. Так, Дж. Лакофф приводит список из четырнадцати свойств прототипического агенса. Вот первая половина этого списка: «1. Существует агенса, который делает нечто. 2. Существует пациент, который претерпевает переход к новому состоянию. 3. Изменение пациента является результатом действия агенса. 4. Действие агенса является намеренным. 5. Агенса управляет своими действиями. 6. Агенса несет основную ответственность за то, что происходит (свое действие и результирующее изменение). 7. Агенса является «источником энергии» действия, пациент – объектом (целью) этих «энергетических затрат» (то есть агенса направляет свою энергию на пациента) [Лакофф 1981: 358].

Суммируя сказанное, можно сказать, что с идеей агенса ассоциируется такой участник ситуации, который по своей инициативе осуществляет некоторую деятельность, расходуя для этого собственную энергию и контролируя весь ход событий. При этом конечный результат действий агенса должен соответствовать его исходным намерениям и целям.

Как показала практика использования понятия агентивности в лингвистических исследованиях, связываемые с ним признаки могут быть распределены между несколькими участниками ситуации, в силу чего можно говорить о полной и неполной агентивности. Приведу несколько примеров, иллюстрирующих сказанное.

1. Субъект собственно рефлексивной конструкции *Я побрился* обладает всеми упомянутыми выше признаками агентивности, а в рефлексивно-каузативной конструкции *Я побрился у парикмахера* эти признаки распределены между двумя участниками. В этой каузативной конструкции субъект (каузатор) только инициирует реализацию этой ситуации, а непосредственным производителем действия является каузируемый субъект (парикмахер), выраженный косвенным дополнением.

2. Сходное распределение признаков агентивности можно видеть и в императивных конструкциях. Императив фактически обозначает одновременно две ситуации: акт произнесения побудительного высказывания и каузируемое им действие. Роли их субъектов различаются. Субъект речевого акта (говорящий, C_p) обладает частью свойств прототипического агенса, но не выполняет само действие. Что же касается субъекта каузируемого действия (C_d), то он, выполняя это действие, фактически подчиняется чужой воле, причем делает то, что при нормальном развитии событий сам бы делать не стал (иначе у говорящего не было бы необходимости влиять на его действия с помощью императивного высказывания). Таким образом, C_d сближается по своим свойствам с каузируемым участником (causee) каузатива: «С императивом сопряжен исполнитель, т.е. роль принципиально иная сравнительно с субъектом и агенсом» [Володин 2004: 140].

3. Другой пример – русские глаголы, которые допускают выражение объекта как винительным, так и творительным падежом: *Он крутил руль / Он крутил рулем*. По мнению А. Вежбицкой, в конструкциях с творительным падежом объекта (в отличие от конструкции с винительным падежом) обозначаемая деятельность характеризуется как бесцельная, а ее субъект, следовательно, представлен как неагентивный [Вежбицка 1985: 319-323].

4. В паре предложений *Я буду работать до утра* и *Мне работать до утра* второе предложение (с независимым предикативным инфинитивом) представляет ситуацию как обусловленную некоторым внешним детерминирующим фактором и, соответственно, не полностью определяемую выбором ее производителя.

5. Глаголы типа *догуляться*, обозначающие нежелательные последствия действия или непредусмотренный негативный эффект; ср. толкование И.А. Мельчука «‘В результате того, что X совершал действие Z слишком много, с X-ом случилось зло Y’» и приводимые им примеры: *Долечисься до того, что станешь инвалидом!*; *Вот ты и домолчался – тебя же во всем и обвинили*; *Мы стоимся здесь до того, что не попадем ни в кафе, ни в ресторан* [Мельчук 1995: 482]. По имеющимся данным, в западнославянских языках глаголы этого словообразовательного типа имеют только положительное значение (сохраняющееся и некоторых русских глаголах: *додуматься*, *докричатся*) ср. чеш. *dopracovat se do úspěchů* ‘добиться успехов в результате работы’ – букв. ‘доработаться до успехов’ [Петрухина 2000: 151-153].

6. Глаголы «непроизвольного действия» типа *удариться*, *пораниться*, *поцарапаться*, *обжечься* [Исаченко 1960: 391-392; Gerritsen 1990: 104-106]; ср.: *Вошла Лидя Ромнич. Он вздрогнул и порезался. – Вы? – сказал он, опуская бритву* (И. Грекова. На испытаниях); *У тети Гени он денег не брал ни разу с тех пор как стал получать стипендию. Но на этот раз все растрапились раньше времени* (Л. Улицкая. Зеленый шатер). Они обозначают ситуации, в которых одушевленный субъект собственными действиями причиняет себе непреднамеренный ущерб. Как считает Г.И. Кустова, каузатором такого рода случайного результата чаще всего бывает «неосторожность человека, потеря контроля над собой – обычно во время какой-то деятельности. Если человек порезал палец, он, например, резал хлеб или просто вертел нож в руках; если человек облил чаем костюм, он держал чашку и у него дрогнула рука или его толкнули» [Кустова 2004: 90], и далее: «Случайное изменение не соответствует планам и целям человека, то есть, как минимум, лишнее, ненужное (и в этом смысле не улучшающее состояние мира), а очень часто случайные изменения наносят прямой ущерб интересам человека» [Там же: 410].

7. «Неавтономные декаузативы», обозначающие «микроситуацию, являющуюся частью каузативной макроситуации, когда лексическое значение основы глагола и семантический тип ре-

ферента подлежащего указывают на то, что данная микроситуация не может возникнуть сама по себе» [Генюшене, Недялков, 1991: 262]. С одной стороны, это описание внешнего эффекта работы различных устройств, приборов, механизмов и т. п., которые фактически действуют под управлением человека, но его присутствие может быть незаметным. Так, предложение *Занавес опустился* описывает ситуацию с точки зрения сидящего в театральном зале, а фраза *В комнате зажегся свет* естественнее звучит, «если описывает взгляд человека с улицы» [Падучева 2001: 62]. С другой стороны, декаузативы могут использоваться для обозначения агентивных процессов, в которых роль человека может сводиться к их инициированию, после чего процесс продолжается самостоятельно: *Картошка испеклась*; *Белье выстиралось* (в стиральной машине); *Суп сварился*; *Вода согрелась*.

8. «Экспрессивные формы прошедшего времени», специфичные именно для русского языка: *А он как закричит! А он кричать! А он тут и закричи!* При описании их функционирования обычно отмечается, что они используются для обозначения неожиданных событий, немотивированных логикой ситуации, нарушающих естественный ход событий. По мнению Б.М. Гаспарова, все эти предложения «обозначают события, так или иначе характеризуемые в качестве «эксцесса»: «это либо события неожиданные и/или быстротечные до такой степени, что говорящий не в состоянии проецировать их на реальность, определить их место в реальностных координатах, либо события крайне нежелательные, одновременно и вынужденные, и вызывающие резкое противодействие у субъекта» [Гаспаров 1978: 66]. Таким образом, подобные высказывания используются для обозначения импульсивных, непреднамеренных, слабоконтролируемых действий (или хотя бы представляющихся таковыми со стороны), что и позволяет видеть в этих конструкциях специфический способ понижения агентивности.

9. Безлично-возвратные конструкции типа *Мне не работается*, *Мне здесь плохо спится*, соотносительные с личными конструкциями *Я не работаю*, *Я плохо сплю*. В русском языке они употребляются преимущественно в отрицательной форме и обо-

значают не отсутствие предрасположенности к действию, а наличие каких-либо препятствий к реализации желаемого или необходимого: *Мне страшно. Мне не пляшется, но не плясать нельзя* (Е. Евтушенко. Станция Зима); *Если причина его неважного самоощущения лишь в том, что им не дал счастья по их представлениям о себе, то – это вздор, этим – пренебречь. И хотя все равно не пренебрегалось, что-то оставалось на совести досадное, навязанное ими, но это, ясно, не главное* (А. Битов. Улетающий Монахов). Существенно, что, хотя односоставные предложения с возвратными глаголами широко употребляются во всех славянских языках, данная их семантическая разновидность характерна именно для русского языка. Так, в болгарском языке предложение *Не ми се мре*, дословно соответствующее русскому *Мне не умирается* значит ‘Мне не хочется умирать’, тогда как русское *Мне не умирается* значит ‘Хотел бы умереть, но не могу’; ср.: *Николаю Сергеевичу хотелось лечь и уснуть навсегда, не выходя из кабинета. Он закрыл глаза и стал ждать конца. Но как-то не умиралось* (Э. Рязанов, Э. Брагинский. Старики-разбойники) [Князев 2007: 298-299; Knjazev 2011: 70-72].

10. Многозначность возвратных конструкций в целом может рассматриваться как пример возможных модификаций агентивности. Согласно современным представлениям, основу их семантического развития является переход от собственно возвратного значения к пассиву через обязательный промежуточный этап декаузативного значения. При этом собственно возвратные и близкие к ним по значению конструкции являются агентивными, декаузативные конструкции характеризуются отсутствием агенса в их семантическом представлении, а в пассивных конструкциях агенс снова появляется, но он здесь является «внешним», а не «внутренним» как в собственно возвратных конструкциях.

11. Агентивность сложным образом взаимодействует с синтаксической односоставностью. Так, инфинитивные предложения, видимо, в целом служат для выражения различных видов неагентивности, тогда как безличные предложения в этом отношении неоднородны. Одни из них обозначают ситуации, проис-

ходящие помимо чьей-либо воли; ср.: *Куришь, конечно, бросил – само **бросилось*** (А. Солженицын. Раковый корпус); *3 сентября 1933 года я впервые увидела ее, познакомилась с ней. Пришла к ней сама в Фонтанный дом. Почему пришла? Стихи ее знала смутно. К знаменитостям – тяги никогда не было. Ноги привели, судьба, влечение необъяснимое. Не я пришла – мне **пришлось*** (М. Петровых. Дневники). Напротив, конструкции безличного пассива, как правило, предполагают наличие агентивного личного субъекта; ср. *Десять ступенек, где **лежано, ползано, Вставано, шагано, бегано, прыгано*** (О. Фокина. Третьеклассникам). Неоднородны в этом отношении и обобщенно-личные предложения с формами 2-го лица. В целом 2-ое лицо занимает очень высокое положение на «шкале агентивности». Вместе с тем широкоупотребительную разновидность обобщенно-личных предложений представляют собой конструкции типа *Тебя **не переспоришь***, отличительной особенностью которых является обязательное наличие отрицания (в том числе и имплицитного), и общее значение невозможности; ср.: *Ну у тебя манера – подробности из тебя **не вытянешь**, пока двадцать раз не переспросишь!* (А. Грачев. Ярый-3. Ордер на смерть); – *Ты позовешь, от тебя **дождешься**, как же, – нахмурился Максим* (Э. Володарский. Дневник самоубийцы) = не дождешься. Значение невозможности явно снижает агентивность потенциального производителя действия: «Отношение невозможности резко ограничивает свободу выбора субъектом исхода ситуации: устраняется возможность положительного решения и предполагается необходимость решения отрицательного» [Беляева, Цейтлин 1990: 125].

12. Обращаясь к личным возвратным конструкциям, можно заметить, что в современном русском языке, в отличие от других славянских языков, возвратные глаголы совершенного вида практически не используются в функции собственно пассива, не осложненного различными смысловыми добавками. Между тем в XIX веке такое их употребление было вполне возможно; ср.: *В сущности республика есть самое естественное выражение и форма буржуазной идеи, да и вся буржуазия-то французская есть дитя республики, **создалась и организовалась** лишь рес-*

публикой, в первую революцию (Ф. Достоевский. Дневник писателя. 1876 год) – 1876; *Уже поговаривают в Берлине о запрещении Лейпцигских газет, а в Вене положено около 1000-х штрафа за всякое стихотворение, которое пошлетя в Лейпциг без предварительной австрийской цензуры* (П. Анненков. Путевые записки) – 1842-1843; см. также [Булаховский 1954: 119-120]. Сейчас в подобных употреблениях практически всегда присутствует идея неожиданности или случайности достижения результата: *Выменялось полкило хлеба за три серебряные ложки на барахолке* (А. Болдырев); *Мамардашвили читал автономно; он никого не убеждал, не вел за ручку. Более того, он, кажется, не знал заранее, что произнесется в следующую минуту* (Известия, 15.09.2010); *Когда я думал об этом, у меня сама собою фраза написалась: «Так ринулись на восток, как будто хотели отменить само понятие Азии...» В Европу не получается?* (А. Битов) [Князев 2011].

13. К средствам выражения «неуправляемых действий» близки и конструкции с частицей *было*, восходящие, по общему мнению, к древнерусскому плюсквамперфекту, но претерпевшие семантический сдвиг от обозначения события, происшедшего ранее другого события в прошлом, к выражению «обманутого ожидания»: *хотел было* [но так и не начал делать], *начал было делать* [но не довел до конца], *сделал было* [но не смог воспользоваться результатом] и т.п. [Князев 2007]; ср.: *А она бросилась на кровать .в нетопленной зале, плакала, металась головой по мокрой подушке. Даня было прикрикнул на нее – не помогло. Накапал валерьянки – оттолкнула* (М. Рошин); *Мама съездила было с Анисьей в собес в Призерское, но собес был уже навеки и безнадежно закрыт* (Л. Петрушевская). Примечательно, что и в этом отношении русский язык отличается от других славянских языков, в той или иной мере сохранивших первичные темпорально-таксисные значения плюсквамперфекта.

Судя по приведенному выше (и явно неполному) перечню примеров, к утрате основным участником ситуации части агентивных свойств могут приводить различные факторы: распределение ролей инициатора и исполнителя действия между двумя

участниками ситуации (примеры 1, 2); представление действия как бесцельного (примеры 3, 9); введение внешней детерминирующей силы (пример 4); непредусмотренные негативные эффекты действия (примеры 5, 6); несоответствие между целью и результатом действия (пример 13).

ЛИТЕРАТУРА

Беляева Е.И., Цейтлин С.Н. Соотношение значений возможности и необходимости в семантической сфере потенциальности // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. – Л., 1990.

Булаховский Л.А. Русский литературный язык первой половины XIX века. – М., 1954.

Вежбицка А. Дело о поверхностном падеже // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XV. – М., 1985.

Володин А.П. О примате позиции языкового знака над его экспонентом // Типологические обоснования в грамматике. – М., 2004.

Гаспаров Б.М. Аспектуальные значения неопределенно-предиктируемых предложений в русском языке // Вопросы русской аспектологии. Вып. 3. Тарту, 1978 (Учен. зап. Тартуского ун-та, вып. 439).

Генюшене Э.Ш., Недялков В.П. Типология рефлексивных конструкций // Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. – СПб., 1991.

Исаченко А.В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Т. 2. – Братислава, 1960. Т. 2.

Князев Ю.П. Грамматическая семантика: Русский язык в типологической перспективе. – М., 2007.

Князев Ю.П. Пассивные и пассивоподобные возвратные конструкции с глаголами совершенного вида в русском языке // Международная конференция, посвященная 50-летию Петербургской типологической школы: Материалы и тезисы докладов. – СПб., 2011.

Кустова Г.И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. – М., 2004.

Лакофф Дж. Лингвистические гештальты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X. – М., 1981.

Мельчук И.А. Русский язык в модели «Смысл-текст». – М.; Вена, 1995.

Падучева Е.В. Каузативный глагол и декаузатив в русском языке // Русский язык в научном освещении. 2001. № 1.

Падучева Е.В. Динамические модели в семантике лексики. – М., 2004.

Петрухина Е.В. Аспектуальные категории глагола в русском языке в сопоставлении с чешским, словацким, польским и болгарским языками. – М., 2000.

Плунгян В.А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значение и грамматические системы языков мира. – М., 2011.

Филлмор Ч. Дело о падеже // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X. Лингвистическая семантика. – М., 1968.

Gerritsen N. Russian reflexive verbs: in search of unity in diversity. (Studies in Slavic and general linguistics. Vol. 15). – Amsterdam; Atlanta, 1990.

Haspelmath M., Müller-Bardey T. Valency change // Morphology: A Handbook on Inflection and Word Formation. Vol. 2. (Handbücher zur Sprach- und Kommunikationswissenschaft) Berlin, 2004.

Knjazev Ju. Russian impersonal reflexive constructions compared with other Slavic languages // VIe Congrès de la Société Linguistique Slave. Université de Provence. – Aix-en-Provence. 2011.

Wierzbicka A. Syntax vs. semantics // Theoretical linguistics. Vol. 5. 1978.

© Князев Ю. П., 2016